

11. Река времен : Книга истории и культуры : в 5 кн. Кн. 1 : Государь. Государство. Государственная служба. — М. : Река времен : Эллис Лак, 1995. — 288 с.

12. Тиллабаев С. Особенности местных форм управления в колониальном Туркестане [Электронный ресурс] / С. Тиллабаев. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1222324560>. — Загл. с экрана.

Поступила 12.07.10.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СИСТЕМ: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ*

О. В. Бахлова

В статье анализируется специфика интеграционных систем как особого типа политико-территориальных систем. Внимание обращается на их основные характеристики, принципы и методы организации, а также процесс трансформации. Модели интеграционных систем в политической плоскости рассматриваются на примере Европейского союза (ЕС) (как идеально-типической, относительно гомогенной модели) и Содружества Независимых Государств (СНГ) (как транзитной и многоярусной системы, гетерогенной модели).

Интеграционные системы можно рассматривать как особый тип политико-территориальных систем, в рамках которых взаимодействие государств-членов как международных акторов приобретает определенные черты внутриполитических отношений:

1) создается институциональная система интеграционного объединения, основывающаяся на добровольном ограничении суверенитета государств-членов;

2) складываются единые нормы и принципы, регулирующие отношения между членами интеграционного объединения (интеграционное право);

3) учреждается институт союзного гражданства;

4) формируется Единое экономическое пространство;

5) образуется общее культурное, социальное, гуманитарное пространство, важнейшим критерием которого становится новая, прагматичная по отношению к надгосударственным институтам, лояльность.

Теоретически «негативный» суверенитет

национальных государств, означающий их внутреннюю и внешнюю самостоятельность и независимость, переходит в «позитивный» суверенитет интеграционного объединения, члены которого получают возможность совместных действий в целях реализации общих интересов. Это свидетельствует о развитии и углублении таких характеристик интеграционных объединений, как «надгосударственность» и «наднациональность», предполагающих юридически закрепленное или утвердившееся на практике ограничение «свободы рук» суверенного государства (при условии его добровольного согласия) [16, с. 6–7].

А. Этциони, трактуя наднациональность с позиций коммунитаризма, подчеркивает, что лучше всего ее рассматривать поэтапно, с выделением сущностных признаков: 1) решения принимаются органом, не состоящим из представителей национальных властей, выполняющих их указания; он руководствуется собственными правилами, политической линией и нравственными

* Статья выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.) «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)» (проект № 2.1.3/1134).

стандартами; 2) принимаемые решения касаются не отдельных, частных, а узловых вопросов; 3) государственные ведомства отдельных стран, а также граждане, корпорации и профсоюзы должны выполнять постановления наднациональных органов, не дожидаясь решений своих правительств; 4) наднациональные органы наделяются собственными правоприменительными полномочиями. Иными словами, по мнению автора, наднациональность предполагает частичный отказ государств-членов от своего суверенитета и не означает «...полного отсутствия какого-то нормативного или политического уклона; скорее, речь идет о том, что он не обусловлен ценностями или директивами отдельных стран» [25, с. 244–245]. Соответственно, интеграционное объединение проводит общую политику, основываясь на общих интересах, но не политику каких-либо государств, даже наиболее сильных, входящих в него.

Р. Шуман, один из отцов-основателей европейских сообществ, замечал, что «...наднационализм расположен на равном расстоянии от международного индивидуализма, рассматривающего национальный суверенитет как нечто неприкосновенное и приписывающего лишь договорные и обратимые его ограничения для каждого конкретного случая, с одной стороны, и федерализма государств, подчиняющегося сверхгосударству, которое обладает собственным территориальным суверенитетом, — с другой» [2, с. 169]. В связи с этим обозначим еще два термина, имеющих отношение к явлению качественного и количественного изменения государственного суверенитета и его объема внутри интеграционных систем: 1) «*супранациональность*» (Р. Шуман): «нечто среднее» между национальным суверенитетом и «федеральной системой государств»; супранациональные институты не обладают признаками государства, но имеют некоторые суверенные полномочия власти; 2) «*внеациональность*» (Дж. Пиндер): создание таких институтов интеграционного сообщества, которые действуют параллельно с наднациональными механизмами, не подавляя их [12, с. 201].

Итак, интеграционная система образуется, прежде всего, совокупностью институтов и норм, общих для всех базовых единиц интеграционного объединения, — это *политико-институциональный аспект процесса интеграции*. Важнейшие принципы и методы функционирования интеграционных систем можно систематизировать следующим образом:

1) коммунитарный метод, основанный на постоянном диалоге общих органов и национальных акторов;

2) принцип правового равенства государств-членов;

3) принцип координации — согласования действий и позиций государств-членов и наднациональных структур; Д. К. Лабин отмечает, что для региональной интеграции характерна субординация, когда государства берут на себя обязательства приводить свое поведение в соответствие с установленным ранее порядком [10, с. 61];

4) принцип строгого уравнивающего разграничения предметов ведения и полномочий между наднациональными и национальными властями;

5) принцип политизации целей базовых единиц, основывающийся на передаче власти наднациональным структурам через практику компромиссов;

6) принцип взаимовыгодности как основы принятия решений;

7) принцип гармонизации правовых норм и отношений интегрирующихся единиц.

В теории и на практике интеграция предстает сложным, многомерным явлением, имеющим дифференцированный характер. Однако конституирование интеграционного объединения как особой политико-территориальной системы возможно только на основе развития политической интеграции, поскольку в данном случае непосредственно решаются вопросы о власти и управлении в нем. Политической интеграции дается более короткое и одновременно более общее определение: политическая интеграция — это создание единого политического сообщества на основе союза двух или более политических единиц (Ф. Брайар), формирование некоторого целостного комплекса на уровне политической системы государств (В. Г. Барановский) [2, с. 42], либо более обширное: это «...одновременно и процесс, и состояние, имеющее тенденцию заменить раздробленные межгосударственные отношения, состоящие из независимых единиц, новыми более или менее широкими объединениями, наделенными минимальными полномочиями решений либо в одной или нескольких определенных областях, либо во всех областях, которые входят в компетенцию базовых единиц» (П.-Ф. Гонидек, Р. Шарвэн) [22, с. 256–257]. Основными характеристиками политической интеграции следует назвать: устранение политического партикуляризма на уровне отношений между государствами и внутри них,

формирование новой модели политического поведения, требующей осознания приоритетности общих интересов и их принятия в качестве безусловного императива каждым участником, новой идентичности и лояльности, а самое главное — наднациональности [21].

Дж. Най говорит о следующих «измерениях» политической интеграции: 1) «институциональной» интеграции, где отмечаются показатели «бюрократической подкатегории» (размеры бюджетных ресурсов и численность административного персонала центральных интеграционных институтов) и «юридической подкатегории» (метод принятия решений в интеграционных органах, пределы их полномочий, фактическая реализация решений, наличие тенденции к расширению или сужению юрисдикции органов сообщества); 2) интеграции политики, которая определяется сферой деятельности сообщества; 3) интеграции отношений — возникновении сообщества, члены которого привержены чувству совместной идентификации; 4) «сообществе безопасности», степень которого измеряется общим числом «враждебных инцидентов»; Д. Пьючела отводит важнейшую роль международной институционализации и «международной аккомодации» [20, с. 117—120].

Формы политической интеграции выделяются в зависимости от степени, уровня и сферы интеграции. Так, формами политической интеграции признаются: 1) объединение государств в целях выработки общей экономической политики; 2) формирование политического союза государств на основе определения общего внешнеполитического курса (форма интеграции государственной политики); 3) создание военно-политического союза для объединения усилий по развитию военно-политического потенциала и согласование военно-стратегических планов и доктрин; 4) образование неправительственных международных объединений парламентариев, партий, общественных организаций (форма интеграции элементов политической системы) [2, с. 163—164].

Интеграционное объединение как политическая система активно рассматривается с позиций теории многоуровневого управления (Дж. Питерсон, У. Сандхольц и др.). Интеграционная политическая система трансформируется, по мнению Дж. Питерсона, на следующих уровнях: 1) «суперсистемном», уровне «исторических решений» («уровне интеграции»); 2) «системном уровне» — «осуществления политики», где происходит практическое преобразование ин-

теграционных институтов; 3) «мезосистемном» — «формирования политики». Согласно концепции «континуума» (У. Сандхольц, А. Стоун Суинг) политическая система основана на соединении межправительственной и наднациональной политики. Она имеет два полюса и промежуточные формы управления, причем на наднациональном уровне осуществляется централизованный контроль над потенциалом управления [24, с. 335—336].

Интеграционное объединение может пониматься также как полития «в своем собственном роде». По мнению германской исследовательницы Б. Колер-Кох, такая система управляется в отсутствие правительства и делегирования политической власти некоему верховному органу, который прямо отвечал бы перед избирателями. Общее управление признается зависимым от структурных свойств системы и от представлений действующих в ней лиц о легитимных принципах организации. Легитимизация системы является очень важной проблемой, поскольку с изменением базовых условий может нарушиться баланс ее факторов. Замена межправительственной и технократической легитимности введением элементов демократической отчетности не позволяет устранить принципиальную несовместимость демократической нормы предоставления гражданам равных прав на изложение своей точки зрения и федеральным принципом обеспечения равного представительства членов союза. Б. Колер-Кох обозначает дилемму: а) шаги в сторону демократизации системы усиливают ее унитарные черты; б) сочетание взаимодополняющих элементов — функционального представительства, технократического регулирования, институционализированного обсуждения — повышает легитимность управления. Распространение этих элементов свидетельствует о становлении переговорной системы с изменяемой геометрией, в которой институты, представляющие государства, должны посредничать в общих усилиях по согласованию различных интересов и инициировать шаги по разработке общего политического курса. В процесс системотворчества легитимно вовлекаются индивидуальные, корпоративные и коллективные акторы, в том числе территориальные (субнациональные), например, регионы, и транснациональные ассоциации — функциональные коллективы. В сетевой системе политика выступает как искусство управлять в условиях дифференциации. Но автор замечает, что такой системе чуждо представление о при-

мате политического, поскольку она базируется на признании множественности интересов и связана с редуцированной концепцией легитимности, отождествлением последней с высокой производительностью в работе политической системы [8, с. 44–48, 51].

Большой интерес у исследователей вызывает проблема динамики, трансформации и стабильности интеграционной системы. Она может быть рассмотрена, в частности, в рамках подходов, предложенных П. Солдатосом и А. Этциони. Политическое сообщество, с точки зрения А. Этциони, — это интегрированный политический комплекс, в котором обеспечиваются: 1) эффективный контроль над использованием средств насилия (принуждение); 2) центр принятия решений, который может значительно влиять на распределение ресурсов и вознаграждений в обществе (утилитарное воздействие); 3) «доминирующий фокус политической идентификации для подавляющего большинства политически сознательных граждан» (идентификация). Несоответствие уровней интеграции по всем измерениям определяет интеграционно несбалансированные системы, имеющие дисфункциональный характер. М. Арах, развивая концепцию А. Этциони, утверждает необходимость синхронного существования двух предпосылок успешного преодоления кризисных условий: сохранения равновесия между факторами функционального и идентификационного характера и уважения необходимости постепенного развития в процессе углубления и расширения интеграции [1, с. 85; 26, с. 284].

В постнеофункционализме большое внимание обращается на неоднозначные результаты интеграционного процесса — от расширения интеграционной системы с изменением ее компетенции и трансформации институционального механизма принятия решений до свертывания и индифферентности системы. Их демонстрируют гипотезы Ф. Шмиттера (мультипликационного эффекта, «кривой взаимодействия» и др.). Л. Линдберг и С. Шейнгольд также допускают несколько вариантов интеграции: трансформация (расширение компетенции интеграционного объединения), углубление сотрудничества (принятие решений по новым вопросам без расширения компетенции), сохранение статус-кво, недостаточная эффективность законодательного процесса и «развитие вспять» (сужение компетенции). В интеграционном процессе находится даже «консервативная динамика»; Э. Хаас и Ф. Шмиттер не исключают воз-

можности кризисов и конфликтов, «трудных переговоров или временных отступлений». При этом, с точки зрения Э. Хааса, кризис может привести к дезинтеграции; Л. Линдберг считает кризисы необходимыми для дальнейшего развития интеграции, а Ф. Шмиттер подчеркивает, что урегулирование кризисов является сутью интеграционной динамики [23; 28–30].

Динамику интеграционной системы можно проанализировать также с позиций структурализма (неореализма). Оттолкнемся в данном случае от теории «эволюции власти» Р. Гилпина. Выявление сущности политических изменений увязывается здесь с усилиями политических акторов по изменению системы с целью продвижения своих интересов; поскольку, как замечает Р. Гилпин, интересы и возможности акторов изменяются, со временем происходит трансформация политической системы таким образом, который отражает основополагающие сдвиги в интересах и распределении власти, следовательно, предотвращение потерь и увеличение преимуществ являются стимулом в попытке изменить систему. Относительная стабильность системы, по его мнению, во многом определяется ее способностью приспосабливаться к запросам акторов, вызванным преобразованием политических и иных условий: поэтому «...в каждой системе постоянно присутствует процесс потери равновесия и его восстановления. Если изменения не приносят чистой выгоды, система продолжает оставаться в состоянии равновесия». Но в итоге расхождение в существующей системе, затрагивающее потенциальные преимущества и издержки для отдельных могущественных акторов, ассоциирующихся с изменениями в системе, приводит к кризису в ней [3, с. 164, 167, 169].

С географической точки зрения интеграционные системы можно рассматривать по уровням организации системы международных отношений: 1) в рамках мондиализма — как систему международных институтов, объединяющих все или большинство государств мира (с возможным мировым правительством); 2) на трансрегиональном уровне (т. н. евроатлантизм и пр.); 3) на региональном (Европейский союз и др.) и субрегиональном (Союз / Союзное государство России и Белоруссии и др.) уровнях. Регионализму как форме пространственной организации интеграционных систем отдается приоритет как в теории, так и в практике интеграции. Его основой признается в первую очередь географический принцип — пространственная близость

участников интеграционного процесса, способствующая территориальной интеграции. Однако трактуется он неоднозначно: так, А. Маршалль указывает на желательность наличия общих границ или хотя бы территориальной близости интегрирующихся государств [2, с. 143]; А. Этциони относит географический фактор к благоприятным условиям физической среды интеграционного процесса, но не считает его необходимым, поскольку «...заклучение о невозможности политического объединения без территориального единства было бы поспешным»; вообще же, на его взгляд, системные характеристики региона не имеют решающего значения [26, с. 28–29].

Часто региональный уровень трактуется как фундамент более широкой и сложной в структурном отношении пространственной композиции интеграционных процессов. Так, по мнению Й. Галтунга, для достижения всемирной интеграции потребуется не менее трех – пяти ступеней [20, с. 286–287]. Для А. Этциони оптимальной является трехзвенная система объединения [27, с. 124–125].

В этой области «пионером» и примером для подражания стали Европейские сообщества / Европейский союз. В процессе их становления и развития предлагались и предлагаются различные трактовки политико-правового статуса ЕС. Так, Й. Фишер в бытность министром иностранных дел ФРГ заявлял о необходимости преобразования ЕС из «рыхлой конфедерации» в «реальную федерацию» [13, с. 5–7]. Ж. Сантер, бывший председатель Комиссии Европейских сообществ, более осторожно определяет ЕС как «федеративное государство наций», в котором каждое государство делегирует определенную часть своего суверенитета «высшей наднациональной инстанции», но при этом остается суверенным, «сохраняет свою индивидуальность, не растворяясь в европейской массе» [18, с. 45–46]. Британский автор Л. Зидентоп, указывая на привлекательность федерализма для Европы в плане сохранения различных национальных культур и форм гражданского общества, настаивает на принципе постепенности [5, с. 142–145].

Однако федералистские определения не включены в базовые договоры ЕС, в том числе Лиссабонский договор 2007 г. Достаточно обширна другая группа авторов – «скептиков», «либералов», «постмодернистов» и пр., рассматривающих ЕС как особое образование: 1) политику «в своем собственном роде»: предполагается, что Евро-

пейский союз перерос модель международной организации, но еще не соответствует понятию федеративного государства; в нем более вероятно утверждение сетевого типа управления (Б. Колер-Кох); 2) пример формирования нового типа государства, основанного на «предельном воплощении принципов равенства людей, индивидуализма и демократии» (В. Иноземцев), «наднациональную демократию» (П. Пфлимсен), форму «современной социальной солидарности этнокультурных сообществ» (Р. Симонян); 3) «постмодернистскую систему», опирающуюся на сотрудничество и готовность ограничивать государственный суверенитет в пользу наднационального управления (Р. Кейган, Р. Купер и др.) [6–9; 17; 19].

В имеющихся оценках ЕС как возможного политического союза (системы) и его деятельности заметны как позитивные, так и негативные аспекты. Так, с точки зрения Д. Сиджански, европейская интеграция – это «мирная революция», которая «коренным образом изменила ход истории», Э. Гидденса – «наступательная операция», преследующая цель «расширения национальных горизонтов и повышения производительности без потери политической легитимности». Э. Балибар, напротив, считает, что Европа, пытаясь возродить собственную идентичность, жестко очерчивает свои культурно-исторические границы, что де-факто приводит к «...международному апартеиду, разделившему европейцев и неевропейцев не только за пределами нового объединения, но и внутри него»; Р. Купер говорит о «неоимперской» европейской системе [4; 6; 9; 11; 15]. Итальянский социолог А. Мартинелли, подчеркивая необходимость многослойности глобального управления, достигаемой путем диффузии политической власти над и под национально-государственным уровнем, отмечает, что модель ЕС должна быть специфической и неповторимой – институционально и культурно: «Это должен быть наднациональный союз, где решения принимаются и органом, представляющим правительства стран-членов и регионов..., и органом, представляющим народы стран-членов и регионы...» [14, с. 18–20].

Таким образом, помимо явно выраженной «креативности» интеграционной идеи и прагматичности интеграционных механизмов Европейский союз демонстрирует стремление к построению новой европейской системы и новой организации континентального пространства. Здесь можно заметить, что, с одной стороны, в Европе

укрепляются существенные признаки однородности (солидарность, конвергенция и пр. внутри Союза, включение третьих стран и их регионов в программы сотрудничества и др.). С другой стороны, можно говорить о сохранении фрагментации, принципе «эшелонирования» («старая» и новая» Европа, «интеграционное ядро» и т. д.). Определенные негативные моменты усматриваются, в частности, Россией в активно продвигаемой Евросоюзом концепции «Широкая Европа — новое соседство», призванной решить задачу комплексного обустройства внешней границы и пространства вокруг нее, в «новой восточной политике ЕС», названной политикой соседства плюс, предложенной ФРГ. Она ориентирована на предотвращение «вакуума интеграции и безопасности» путем «интенсивного занятия промежуточной зоны» между ЕС и Россией. В данном случае речь может идти о проекции пространства стабильности на постсоветское пространство, конфигурацию, количественные и качественные характеристики которого утверждает Европейский союз.

СНГ, возникнув как дезинтеграционный политический проект, за длительный период своего существования так и не смогло перейти к иной качественной — интеграционной — форме. Можно только констатировать завершение перехода к новой системе межгосударственных отношений на постсоветском пространстве, в которой значительную роль играют межэлитные коммуникации. Политические реалии национального и межгосударственного уровня (среди них — «демократические революции», геополитическая конкуренция и пр.) значительно повышают неустойчивость системы и понижают ее эффективность. В таких условиях практически невозможно было выработать идеологию объединения, базирующуюся на фундаментальной, разделяемой всеми объединительной идее, хотя и была сформирована некая «псевдоидеология», опирающаяся на ее симулякр — идею «реинтеграции», которая на практике обернулась квазиинтеграцией.

Разумеется, СНГ как союз большинства постсоветских республик сохраняет определенную привлекательность и даже необходимость, диктуемую геополитическими и геоэкономическими реалиями (противодействие международному терроризму и другим видам транснациональной преступности, поддержание стабильности на постсоветском пространстве, реагирование на вызовы глобализации и т. д.). Однако в этом гло-

бальном экзистенциальном смысле оно может, как представляется, выполнять только координирующие функции и дополнять деятельность объединений на мезо- (субрегиональном) уровне новой пространственной и коммуникативной системы. Поэтому СНГ выступает как многоярусная система, складывавшаяся постепенно.

В Европе же в плоскости развития интеграционных процессов складывается ситуация плюралистической однополярности: с одной стороны, главным актором выступает Европейский союз, с другой — национальные государства сохраняют большую роль как участники европейской и мировой политики; наконец, другие интеграционные объединения в регионе либо прекратили свое существование ввиду выполнения возложенных на них задач, либо утратили свою актуальность в связи с вступлением их участников в ЕС (Бенилюкс, Центрально-европейское соглашение о свободной торговле (ЦЕФТА) и др.). Таким образом, в Европе формируется многослойная комбинированная сфера интеграционных взаимодействий с накладывающимися друг на друга плоскостями. На пространстве СНГ — системе, базирующейся на существовании интеграционных группировок, с одной стороны, также свойственна плюралистическая однополярность, тем более что в силу исторических, экономических и иных факторов в качестве главного центра притяжения выступает или пытается выступать Россия. Однако функционирование СНГ не было столь успешным, как Евросоюза, поэтому параллельно существуют субрегиональные группировки, на которые в последнее время возлагается гораздо больше надежд, что позволяет прогнозировать сохранение в регионе ситуации асимметричной многополярности. Однако на современном этапе заметна и тенденция к образованию bipolarной конфигурации интеграционного пространства Содружества, представляемой ЕвразЭС — Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В большинстве аспектов предполагаемые и реально сложившиеся субрегиональные модули (Союз / Союзное государство России и Белоруссии, Евразийское экономическое сообщество, Организация Договора о коллективной безопасности, организация «Центрально-азиатского сотрудничества», Единое экономическое пространство и пр.) являются перекрывающимися друг друга, т. е. одни и те же государства СНГ одновременно входили или входят в разные объединения и соглашения. На протяжении многих

лет интеграционные приоритеты РФ были связаны с реализацией проекта Союзного государства России и Белоруссии. Нынешняя союзная система власти и управления страдает существенными недостатками, что опровергает тезис классического федерализма о формальном существовании таковой как индикаторе интегрированности. Это ее невидимость с точки зрения формы и режима, проблема «номенклатурной демократии» и союзной бюрократии. Пока, на наш взгляд, невозможно говорить о полноценном российско-белорусском политическом сообществе как неотъемлемом компоненте интеграционной системы, в которой принимаются совместные решения, т. е. о его федерализации. Сохраняется диверсификация статусов и ролей политических акторов, действующих в ней. Эта неоднозначность во многом порождается преобладанием межгосударственного начала в отношениях РФ и РБ: действия национальных политических акторов, на которых значительно влияют внутригосударственные условия, по существу, задают вектор взаимодействия и на союзном уровне. Интересно в этой связи обратиться к европейскому опыту. С одной стороны, состояние политического сообщества российско-белорусского объединения напоминает аналогичное состояние в Европейских сообществах, особенно в их «интеграционном ядре» — франко-германском союзе в 1950-е—60-е гг., с другой — состояние в период «конституционного кризиса» в ЕС на этапе ратификации Лиссабонского договора. Здесь также наблюдается разбалансированность интересов различных политических акторов — политических партий, глав государств, «европейской бюрократии» и др., хотя на межгосударственном уровне в ЕС делаются все же более активные попытки к нахождению консенсуса и, напротив, отсутствует положительная «настройка» на интеграцию населения и политических партий во многих государствах.

Для России и Белоруссии, наверное, в этом контексте более актуальной является тема суверенитета, а для европейских стран — национальной и европейской идентичности.

Выделим еще одно противоречие в политическом измерении российско-белорусской интеграции — между характером интеграционной системы (асимметричной ввиду объективных различий и поэтому воспринимаемой субъективно российской стороной элитарной) и декларируемым режимом российско-белорусского объединения, базирующимся как на формальных, зафиксированных в основополагающих договорах, так и на неформальных принципах и процедурах, обусловленных реальными возможностями государств и возникающими в практике их взаимодействия. Формально, по аналогии с внутригосударственным устройством, это должен быть демократический режим в силу юридического равноправия сторон, но фактически постоянно возникает тенденция к утверждению авторитарного режима, имея в виду неравномерное распределение возможностей интегрирующихся государств. Возможно, обеим сторонам в первую очередь стоит сконцентрироваться не на расходящихся, а на совпадающих интересах, что способствовало бы достижению компромисса. Осмысление российско-белорусского и европейского опыта в этом ракурсе заставляет по-новому взглянуть на проблему легитимности. Вообще развитие российско-белорусских отношений с начала 2000-х гг. можно анализировать с позиций теории «эволюции власти», согласно которой акторы системы, осознающие свою мощь, стремятся изменить ее структурные ограничения, что приводит к трансформации всей системы. Собственно, именно это попыталась сделать Россия, не пожелавшая дальше мириться с ролью фактически «младшего» партнера Белоруссии в области интеграционной политики в условиях явного неравенства сил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арах М. Европейский союз : видение политического объединения / М. Арах. — М. : Экономика ; Arah Consulting, Rosinvest, 1998. — 467 с.
2. Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе : Некоторые вопросы теории и практики / В. Г. Барановский. — М. : Наука, 1983. — 264 с.
3. Гилпин Р. Война и изменение в мировой политике / Р. Гилпин // Сафронова О. В. Теория международных отношений / О. В. Сафронова. — Н. Новгород, 2001. — С. 157—169.
4. Дупас Ж. Новые дилеммы государственности, управления и интеграции с точки зрения глобализации / Ж. Дупас // Латинская Америка. — 2001. — № 6. — С. 50—59.
5. Зидентоп Л. Демократия в Европе / Л. Зидентоп. — М. : Логос, 2004. — 360 с.
6. Иноземцев В. Возвращение Европы. Объединенная Европа на пути к лидерству в миро-

вой политике / В. Иноземцев, Е. Кузнецова // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2002. — № 4. — С. 3–14.

7. **Княжинский В. Б.** Буржуазные и реформистские теории интеграции на службе антикоммунизма / В. Б. Княжинский // Сов. государство и право. — 1969. — № 6. — С. 128–133.

8. **Колер-Кох Б.** Эволюция и преобразование европейского управления / Б. Колер-Кох // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2001. — № 7. — С. 44–55.

9. **Кузнецова Е.** The Breaking of Nations. Размышления над книгой Роберта Купера / Е. Кузнецова // Междунар. жизнь. — 2004. — № 2. — С. 3–18.

10. **Лабин Д. К.** Международно-правовое обеспечение экономического регионализма / Д. К. Лабин // Государство и право. — 2005. — № 4. — С. 61–66.

11. **Леонард М.** XXI век — век Европы / М. Леонард ; пер. с англ. Т. Банкетовой. — М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2006. — 250 с.

12. **Максимова М. М.** Основные проблемы империалистической интеграции : экономический аспект / М. М. Максимова. — М. : Мысль, 1971. — 357 с.

13. **Мамут Л. С.** Государство в контексте глобализации / Л. С. Мамут // Право и политика. — 2004. — № 1. — С. 4–12.

14. **Мартинелли А.** Рынки, пространства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу) / А. Мартинелли // Социс. — 2003. — № 1. — С. 16–28.

15. **Межуев Б. В.** Постколониальный период и «транснационализация» гражданства / Б. В. Межуев // Полис. — 2004. — № 5. — С. 19–27.

16. **Морозов Г.** Мировое сообщество и надгосударственность / Г. Морозов // Мировая экономика и междунар. отношения. — 1997. — № 5. — С. 5–15.

17. **Нелсон Д.** Европа versus Америка / Д. Нелсон // США*Канада : Экономика. Политика. Культура. — 2002. — № 9. — С. 14–18.

18. **Сантер Ж.** Голос Европы должен быть услышан / Ж. Сантер // Россия в глобальной политике. — 2003. — Т. 1, № 2. — С. 44–48.

19. **Симонян Р.** Проблемы перехода от национально-государственных образований к региональным / Р. Симонян // Власть. — 2004. — № 5. — С. 65–73.

20. Современные буржуазные теории международных отношений : Критический анализ / отв. ред. В. И. Гантман. — М. : Наука, 1976. — 486 с.

21. **Стойкин С. Г.** Международная интеграция : понятие, виды, формы / С. Г. Стойкин // Моск. журн. междунар. права. — 2004. — № 3. — С. 17–30.

22. **Цыганков П. А.** Международные отношения / П. А. Цыганков. — М. : Новая шк., 1996. — 320 с.

23. **Шеленкова Н. Б.** Европейская интеграция : политика и право / Н. Б. Шеленкова. — М. : НИМП, 2003. — 340 с.

24. **Шемятенков В. Г.** Европейская интеграция / В. Г. Шемятенков. — М. : Междунар. отношения, 2003. — 400 с.

25. **Этциони А.** От империи к сообществу : новый подход к международным отношениям / А. Этциони. — М. : Ладомир, 2004. — 384 с.

26. **Etzioni A.** Political Unification : A Comparative Study of Leaders and Forces / A. Etzioni. — N. Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1965. — 348 p.

27. **Etzioni A.** Political Unification Revisited : On Building Supranational Communities / A. Etzioni. — Lanham : Lexington Books, 2001. — 346 p.

28. **Haas E.** Technocracy, Pluralism and New Europe / E. Haas // A New Europe? / ed. S. Graubard. — Boston, 1964. — P. 62–86.

29. **Lindberg L.** Political Integration as a Multidimensional Phenomenon Requiring Multivariate Measurement / L. Lindberg // International Organization. — 1970. — Vol. 24, № 4. — P. 649–731.

30. **Schmitter Ph. C.** A Revised Theory of Regional Integration / Ph. C. Schmitter // International Organization. — 1974. — Vol. 24, № 4. — P. 836–868.

Поступила 05.07.10.